
СИМВОЛИКА «КНИГИ СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ» ГРИГОРА НАРЕКАЦИ

БУРАСТАН ЗУЛУМЯН (Москва)

«Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци – вершина развития армянской средневековой литературы, аккумулировавшая достижения пятивековой духовной армянской поэзии. Творчество Нарекаци выросло на армянской церковной традиции, уходящей корнями в византийские толкования и практику написания духовных текстов и в восточнохристианскую экзегетику в целом. Однако армянская духовная школа, формировавшаяся почти одновременно с византийской, обрела собственные средства выразительности и содержание. Так, из комментариев к текстам Писания первых святых отцов Месропа Маштоца, Саака Партева выросли жанры кцурда (тропаря), кацурда (праздничной песни), шараканов, канонов, мегеди, впоследствии тагов, гандзов и мистической поэмы. Новое содержание требовало не только новых жанров, но и языка, системы понятий – менялась вся парадигма литературы. Языческое мышление оперировало больше знаками, эмблемами, христианство все больше актуализировало абстрактные сущности: «Вспомним еще раз, – подчеркивает С. Аверинцев при анализе ранневизантийской поэзии, – что универсальной формой средневекового мышления и восприятия был символ, не смешивающий предмет и смысл (как это происходило в языке) и не разделяющей их (как это намечено в иконоборчестве и завершено в рационализме Нового времени), но дающий то и другое “неслиянно и нераздельно”¹. Это черта всей христианской литературы: происходило сгущение духовных смыслов, через символы нужно было говорить о высшем, непознаваемом, передавать сущности, которые с трудом поддавались вербализации. Язык, основанный на типологическом (параллелизм эпизодов Ветхого и Нового заветов), аллегорическом и символическом толковании Священных текстов, вырабатывался в течение веков. Словарь символов, указывающий на евангельские события, лица, насчитывает сотни обозначений: например, ковчег – Церковь, Древо – Крест, Новый Иерусалим – Новозаветная Церковь и многое другое. Они получили устойчивые, прикрепленные значения, что приближает их к знаку, а не многозначному символу². От простого цитирования Библейских и евангельских текстов религиозные поэты переходили к комментированию, а затем уже начался этап, который можно охарактеризовать как собственно художественный, когда текст освещался лич-

¹ С. С. А в е р и н ц е в. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997, с. 231.

² Различия между «стандартизированным» символом (связь между А и В произвольна, но привычна, скажем «рыба – Христос») и полностью произвольным символом анализирует Эдмунд Лич.– Э. Л и ч. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М., 2001.

ворного» памятника, и очень важная линия – сомнения и раздвоенности, развивающаяся от начала до конца повествования. Они мозаично сплетаются и создают многомерное пространство поэтического произведения.

С тематическими линиями «Книги...» естественно связаны общезначимые, в то же время наполненные авторским смыслом понятия-символы, скрепляющие пространство произведения: это *Слово-Книга, Поэт, Сердце-Разум, Человек-скот, Человек-насекомое, Божественное, Свет*.

Слово-Книга. Мыслительная сложность творения Нарекаци порождает множественность интерпретаций и попыток ее осмысления. Жанр «Книги...» с трудом поддается однозначному определению. В разное время она характеризовалась как покаянные молитвы, молитвослов, исповедь, в новое время – поэма. Однако у Нарекаци мы находим его собственные определения его же творению: «Эта заповедь новая – книга скорбных песнопений» (З, 35)⁶, «книга расположенных в порядке плачей», «по этой книге будут молиться», благодаря ей «родятся из глубин сокровенных стенания», «плод души», и в конце концов – «книга-исповедь». В этой последней ипостаси она восходит к основополагающим в жанре «Исповеди» св. Аврелия Августина и псалмам Давида, часто упоминаемым в тексте Нарекаци. В основе такого рода произведений лежит диалогизм, введенный в концептуальный оборот в качестве философской категории еще Сократом; он нашел свое продолжение в средневековом жанре – разговорах с Богом, где исповедальность – обязательное условие. В трудах одного из первых теоретиков диалога Мартина Бубера анализ корреляционной пары «Я и Ты» выявляет движение отчужденного Я к духовно близкому Ты – Богу⁷. Подобный диалог (вернее, монолог-диалог) лежит в основе плачей и покаянных молитв, занимающих особое место в системе духовного уклада того времени. Блестящим примером диалога является каждая глава «Книги...», озаглавленная «Слово к Богу из глубин сердца», однако Нарекаци вышел далеко за рамки жанра, вместив в свой разговор с Богом макрокосм человеческой жизни.

Драматизм содержания отразился уже в названии творения Нарекаци, заключающем в себе два смысловых пласта: первое значение – петь скорбь (*նոր էրզէլ*), песни плача – употребляемые со времен древних обрядов погребения; второе – *նորէրզնիթիւն*, которое стало обозначением трагедии после контактов с греками⁸. Несомненно, что помимо ориентации на жанр национального песнопения, плача, влияющего на первые духовные произведения Месропа Маштоца, Саака Партева, к которым и восходит произведение Нарекаци, древнегреческое понимание тра-

⁶ Здесь и далее цит. по: Г р и г о р Н а р е к а ц и. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеарм. и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступительная статья С. С. Аверинцева. М., 1988. В скобках указана нумерация глав и частей.

⁷ См.: М. Б у б е р. Я и Ты. – В кн.: Бубер М. Два образа веры. М., 1995, с. 15–84.

⁸ Трагедия – арм. *նորէրզնիթիւն*: *նոր* – плач; *էրզէլ* – петь, то есть петь плач, стеная петь. Так назывался древний культовый обряд погребения умирающегобожества. Поэтому при знакомстве с древнегреческой трагедией армяне не заимствовали греческий термин, так как уже имелся свой, аналогичный. Г. Г о я н. 2000 тысячи лет армянского театра. В 2-х томах, т. I. М., 1952, с. 209–210.

гедии (в аристотелевской трактовке) было знакомо Нарекаци, и этот смысл также влиял на идейный аспект его произведения. Плач поэта – о трагедии человеческого существования, души, обреченной метаться между Божественной и земной ипостасями. Осознание жизни как непрекращающейся борьбы за очеловечивание, взгляд на человека не в статике, раз и навсегда данной, а в динамике, в становлении духовности и морали – новое слово в армянской богословской и художественной литературе.

«Книга...» подобна средневековой иконе, вовлекающей зрителя в свое пространство посредством обратной перспективы: она стирает внешнюю телесность, концентрируется на духовных сущностях, лишена каких-либо внешних реалий, отсылок к конкретным ситуациям, тем более – сюжета. О чем мог говорить поэт наедине с собой? Какие темы, образы, идеи смог воплотить на протяжении 95-и глав? О себе и всех, о человеческих пороках, грехах, страстях, заблуждениях, о необходимости стать лучше, чище, совершенней. Он выстраивает свое творение подобно храму (сам Нарекаци говорит о своей книге как о «здании веры») – снизу, от самых низменных земных, греховных сторон человеческой природы, ввысь – к очищению, «обожению», светлой ликующей вере, устремленной к Богу.

«Книга...» как строение целостна в своей структуре: все части объединены идеей восхождения к Богу и слияния с ним, темой и кульминацией. Стремление к целостности позволило автору довести большое бессюжетное произведение до заключительного аккорда – катарсиса. Поэт понимал значимость сотворенного им произведения и то, какие задачи перед собой он ставил. В послесловии к «Книге...» он пишет, что «заложил основы, соорудил, воздвиг на них и сочинил эту полезную книгу, соединив созвездие глав в единое дивное творение».

А в предисловии мы обнаруживаем, что творение Нарекаци – некий отклик на существующий духовный запрос: «Книга скорбных песнопений, сотворенная в ответ / На прошения отцов-отшельников и множества пустынножителей», и в то же время ясно и пространно формулируются цели: «О самопорицании», «О выявлении сокровенного», «Лекарство могучее».

Обозначенные в предисловии задачи – выявление сокровенного, самопорицание – имеют очерченный личностный, субъективный характер. Отсюда и первое лицо повествователя (почти всегда авторский голос звучит от собственного имени – «Я»), благодаря чему творение Нарекаци получает еще больший драматизм. Чтобы спасти свою душу и души других, он берет на себя грехи всех, идентифицирует себя со всеми. В формуле «Я во всем и все [грехи] во мне»⁹ поэт остается верным духу времени, когда в образе рассказчика стирались индивидуальные черты (хотя они не исчезают и просматриваются на протяжении всего произведения, вплоть до послесловия, где он говорит уже от собственного имени).

Чтобы говорить от имени всех, Нарекаци стремится обозначить свое понимание человеческой природы, приблизиться к ее онтологическим основам.

⁹ В оригинале у Нарекаци нет слова *грехи*; стих должен переводиться: «Я во всем и все во мне», но переводчики, исходя из смысла строфы, стали его добавлять. На мой взгляд, это не совсем оправдано, так как существенно сужает содержание высказывания.

Обозначив каждую главу одним лишь названием – «Слово к Богу из глубин сердца» – поэт фокусирует внимание на самых значимых понятиях: *Бог*, *Слово* и *Сердце*. И здесь нужно уточнить важный нюанс, имеющий концептуальное значение. В армянском языке предлог ընդ имеет два значения: направление – «к», и соединение, между – «с». Также и խոսք (слово) имеет значения и слова, и разговора, беседы. В первом случае отражена вертикаль: Бог – человек, что точнее и ближе средневековому миропониманию¹⁰. Во втором – горизонталь, когда возможна беседа с Богом (этот перевод естественен и приемлем для армянских церковников). В некоторых местах поэмы Нарекаци прямо говорит, что он вступает в разговор с Богом (4, 1), с учетом этого нюанса значительно иной представляется «картина мира», и наличие в «Книге...» такого смысла еще более расширяет ее духовные границы.

Именно *Слово* становится одним из главных действующих лиц «Книги...», проводником человека к Божественному Логосу. Дар слова Нарекаци – от Бога: «Тобой внушено мне написать сие» (74, 3). Нарушая канонизированные стихотворные формы церковных песнопений, он наполняет свои произведения выражением индивидуальных переживаний, страстью, призванной пронзить сердце читателя, который приобщается к «словесной жертве», молится и кается вместе с поэтом.

В начале почти каждой главы звучит тема Слова, раскрываемая через упоминание самой же книги, творимой Нарекаци, – своеобразный зачин, вновь и вновь обозначающий сакральное вхождение в повествование, скрепляющий его. Она пронизывает всю «Книгу...» от начала до конца, окаймляя две основные смысловые линии – Божественного и человеческого. 3-я глава, посвященная целиком поэтике, композиционно оформляет начало повествования. Нарекаци дает указания и пояснения по поводу того, как он будет писать, какие художественные задачи решает, посредством чего достигает высоких духовных целей. «Я разъясню в дальнейших моих речах» – говорит он, почему же он пишет для всех и для чего: «малую молитву мою / Сделаешь причиной спасения великого» (3, 1). Объясняет он и композицию – «Эта книга расположенных в порядке плачей» (3, 4), характер, жанр написанного – молитва, плач, «молитвенное завещание» (9, 1), то, как они написаны, особо подчеркивая их соразмерность – «жалостные соразмерные плачи» (5, 4), порядок – «В мерном порядке располагая их и завершая» (26, 2).

От внешних аспектов Нарекаци иногда переходит к определениям внутренне-го свойства своего слова (речи): «Раскаленное железо слов моих», «Сие творение мое Богопоклонное, как плод души моей» (33, 1), «Я – книга живая, в коей собраны / Внутри и снаружи плач, горе и стоны <...> Жалуясь на многие лады, горя по-разному» (39, 2-3); назначению – «Сей книги - исповеди, чтоб оно воодушевило многих» (33, 1).

¹⁰ М. Дарбинян и Л. Ханларян перевели: «Слово к Богу из глубин сердца». В. Геворкян же на современный армянский язык перевел: «Разговор (слово) с Богом». Г р и г о р Н а р е к а ц и. Книга скорбных песнопений. Пер. на современный армянский язык В. Геворкяна. Ереван, 1979.

А в конечном итоге посредством этих молитвенных песнопений Нарекаци стремится «воздвигнуть здание веры».

Поэт четко осознавал композицию произведения, строение частей, где начинается второй круг повествования, а где третий, завершающий. Так, и в 33-й, и 34-й главах Нарекаци однозначно указывает на то, что он вторично начинает свой разговор с Богом, уже и вовсе называя свою речь «золотыми скрижалями вещими»:

*Буду снова повторять те же молитвы, пока свет веры не проявится
дивным свершением своим, благовествовать [буду] вторично я мир.*

(33, 4)

Те, о коих я прежде сказал,
Их вторично [Тебе] хочу показать.
Представ с письменным разъяснением
Пред собравшимися толпами племен
И с толкованиями для народов.

(34, 1)

Я себя – золотые скрижали вещие,
Заветам Твоим посвященные,
Перстом Божьим начертанные, –
Сам вымарал, вернее же, разбил их,
И написать стараюсь ныне второе подобие их
Печальными красками.

(34, 8)

Важная в семантическом и идейном плане линия «Книги...» окаймляет все повествование: если вначале она несет ознакомительный, «поэтологический» характер, то в середине намечается переход к духовным сущностям, а к концу нарастает драматическое звучание и выявляются глубинные смыслы, один из которых – тема словесного памятника. Мажорно возносясь ввысь, она потрясает мощью эмоционального и мыслительного накала – «Помещу я памятник укоризны себе» (61, 3).

Сила слова, облеченная в поэтическую форму, гармонию, «созвучность», должна помочь ему в достижении этой цели. На этом пути поэт привлекает все доступные ему средства – метафоры, эпитеты, гиперболы, анафоры, звукопись. Вся поражающая воображение поэтическая ткань произведения служит одной цели – полнее раскрыть содержание, эмоционально и мыслительно воздействовать на читателя.

Особое значение поэт придавал метрике, то есть организации и звучанию стиха (не случайно его молитвы считались целебными, читались у изголовья больных). Глубоко проникая в суть поэтического творчества, Нарекаци подчеркивает, что «иносказательно» продолжает свое повествование, «укоры душе моей осужденной», дает уже чисто стихотворческие пояснения: «По-прежнему непрестанно усугубляя их...» (22, 1). То есть ему не чуждо понимание, того что он делает и как: «Располагая и представляя // опять в тех же образах и тем же размером» (22,

1), оперируя поэтологическими понятиями размера, образа, композиции (располагая) и выразительности (представляя).

Полиметрическая структура стихотворного текста Нарекаци тяготеет в основном к размеру армянского национального стиха айрена (буквально – «отечественного»)*. Нерифмованный стих, как замечено, более четко ритмизован в частях, связанных с темой покаяния – молитвах, а так называемые «комментарии» ритмизованы слабее, подчас и вовсе переходя на вольный стих¹¹. Рифма почти не применялась в армянской духовной поэзии, но Нарекаци владеет этим искусством и рифмует 26-ю главу. Вся Книга инструментована богатейшей звукописью, и это обстоятельство привлекает особое внимание: считается, что Нарекаци первый применил аллитерацию в качестве самостоятельного средства поэтической выразительности¹². Он и сам декларирует эту особенность своего мастерства: «Се есть слог, подобающий скорбным писаниям, / Кои кажутся вдвое жалостнее, / Поелику страдания изображаются / Через связанные определенной буквой созвучия» (26, 1). Многие строфы оформлены посредством начальной анафоры с мастерской виртуозностью.

Пройдя почти четверть повествования, он вновь обращает внимание читателя на звучание (*лад*) своей речи: «Беды, из коих в предыдущих главах / Отобразена лишь толика [малая], / Посему изменится лад речей, но не оплакивание напастей моих» (25, 1). В первых же строках 26-й главы поэт и вовсе разворачивает целую теорию создания подобного рода творений:

Днесь я поистине встал во главе сонма
Собравшихся на торжество печальное,
Тех, кто поет плачевные песни-плачи,
Тех, кто с гласом рыданий соразмеряет слова,
Завершая буквой одной все строфы,
Дабы сильнее шемили они, бередили боль сердца скорбящего <...>

(26, 1)

В другом месте поэт упреждает опасности, могущие возникнуть в ходе повествования: «Но дабы повторения мои не превратились в многословие» (30, 2), «И, переведа, как нравится мне, на иной лад моления/ Этой книги скорбных песнопений» (33, 1), «И дабы не наскучить замедленной речью, я постараюсь здесь ее сократить» (61, 2).

* Айрен – сокращенная форма армянского слова *հայերէն* – «по-армянски». Это стихотворный размер древнеармянской гусано-народной средневековой поэзии и обрядовых песен, состоящий из двустрочных строф, известных под термином бойт (*բէյթ*). Каждый бойт состоит из 7-и и 8-и слогов–ямб–анapest–ямб // anapest–ямб–anapest (см.: *Մ. Մ. Մ Է ղ յ ի ն. Փռլիւնիւնի ժողովրդիւնի տաղեր, Երևան, 1940, էջ 33–37.* – Прим. ред.).

¹¹ Р. А. Папаян. Древнеармянский стих. Опыт реконструкции. Русская и армянская средневековые литературы.– В кн.: Григор Нарекаци и духовная... с. 190–194.

¹² *Մ. Մ. Մ Է ղ յ ի ն. Փրիգոր Նարեկացի, Երևան, 1955:*

К концу произведения Нарекаци неоднократно отмечает, что приближается к завершению: «Я оставляю читателям это завещание», «И книга эта вместо моего тела, и это слово вместо моей души» (5, 4). Но цель Нарекаци – не слава, все усилия души он направляет на то, чтобы умолить Бога спасти души людей. «Ибо, коли я присовокуплю к первым [стихам] последующие, / Еще тяжелее станут недуги мои и умножатся горести» (60, 2), а далее удостоверяет: «Днесь, поелику я подошел к завершению / Скромного завещания – [книги] скорбных песнопений» (87, 1).

Таким образом, Нарекаци расставляет вехи в своем творении, сознательно отмечая ее структурные блоки, поэтому трехчастная форма вычленяется самим автором и органично вытекает из движения внутренних содержательных потоков.

С темой Слова и Книги тесно связана символика образа поэта.

Поэт. Нарекаци осознает себя поэтом, и хотя неоднократно смиренно говорит, что он «последний из сочинителей и младший среди наставников», однако, понимая силу воздействия и ценность своего творения, он называет его «дивным». Как Гораций и впоследствии Пушкин, Нарекаци уверен, что переживет себя в своем нерукотворном памятнике:

Пусть будут навеки памятником мне
Неистребимо высеченные заветы сии.
И будут они, не переставая, за меня, бедного,
За душу смертную немолчно звучать,
Горестным плачем, не переставая, вечно вопиять.

(66,1)

Однако в минуту отчаяния, человек в поэме Нарекаци, иссякнув от словесного самобичевания, словно мертвый:

Речь умолкшая, руки связаны, члены расслаблены,
Печать на устах, и вежды сомкнуты.

(73, 2)

Слова Нарекаци вызывают ассоциации с пушкинским «Пророком», в котором использованы мотивы книги пророка Исаи. Пушкин как нельзя более точно отразил состояние безжизненности, бездуховности человека: «Как труп в пустыне я лежал». Только Божественное присутствие способно вдохнуть жизнь и одарить вдохновением: «И Бога глас ко мне воззвал: / Восстань, пророк».

Нарекаци называет себя «начертанными перстами Божьими», он взывает к Богу:

Всемощного слова твоего молния
Да возжигает язык мой <...>

(20, 2)

Божественное слово призвано служить людям, «глаголом жечь», очищать, вышата до образа Бога. Без Света в душе человек не может преодолеть свою земную природу. Слово поэта – ответ Божественного Логоса, поэтому его усилия направлены на создание максимально выразительного словесного «узора», преследующее высокую цель – хотя бы отдаленно приблизиться к мистическим сущностям. Остовом, скрепляющим все поэтическое совершенство произведения, является его образный язык. В подборе метафор, сравнений, антитез, гипербола Нарекаци не знает себе равных, в перечислениях искусство слова поэта беспредельно. Перечисления для Нарекаци не столько риторические фигуры, украшения, «роскошь узора», сколько способ хотя бы отчасти приблизиться к искомой сути. Он говорит, что перечислил не напрасно «описанные виды прегрешений, / Не определив даже сущности тех заблуждений, / Что кружат в нашем естестве» (6, 3). Это не его изобретение, а «константа всей средневековой литературы в целом»¹³, однако виртуозность, с которой Нарекаци разворачивает словесные каскады, облаченные в стихотворную форму, действительно великолепна. Поэт, подобно средневековому каменотесу, в бесконечной вязи орнамента добивался единого согласованного рисунка, обнимая необъятное, во всей полноте раскрывал тему. Его противопоставления предопределены антиномичностью христианского мировидения¹⁴ и его собственными представлениями о человеке – центре двух миров, связующем звене между низом и верхом.

Человек-грешник. Амплитуда колебания образных воплощений человека в поэме чрезвычайно широка. Как уже отметили, ее содержание разворачивается между двух крайних полюсов: падшего грешника, закоренелого в своем грехе, не осознающего свое падение, и – Бога. Между ними находится человек, осознавший свою греховность, готовый к возрождению, но все еще слабый, сомневающийся, и потому молящийся и просящий у Бога помощи. Сталкиваются два начала, две крайности, указывающие на противопоставленные друг другу жизненные пласты – мир темного, тяжелого, стихийного начала и светлого, Божественного. Эти миры сходятся, взаимопроникают, но не сливаются, не гармонизируются. Причем бытийные, вселенские два начала – темного и светлого, Добра и Зла – слились в *двойственной* природе человека, в понимании Нарекаци – онтологического свойства его натуры. Будучи противопоставлены в начале повествования, темное и светлое начала души героя, злое и доброе «Я» Нарекаци стремятся к соединению в высшем начале – Боге, который и есть путь и истина: «Один лишь Ты в недостижимой своей высоте / Можешь чудотворить снадобья целебные / И

¹³ С. С. А в е р и н ц е в. Роскошь узора и глубины сердца.– В кн.: Григор Нарекаци. Книга..., с. 20.

¹⁴ Мышление человека антиномично в своей основе, но христианство довело эту черту до крайней степени поляризации, переведя противоположности из сферы природы в сферу нравственную. Ср.: у Плотина: «Все представляет собой части живого универсума, и целое остается тождественным себе при постоянно борющихся друг с другом частях, ибо все происходит на основе логоса; необходимо же, чтобы этот единый логос складывался в своем единстве из противоположных друг другу логосов: его состав и сущность словно замешаны на этих противоположностях» (П л о т и н. Энеады. III, 2, 16).

спасти от опасности жизнь душ, / Вечно мятущихся и сомневающихся, / О испытатель всех, в неизреченной славе восхваляемый вечно» (1, 2).

Для изображения грешника и человеческого греха как такого Нарекаци привлекает все доступные для того времени сравнения, гиперболы и собственные художественные откровения, вскрывающие греховную сущность. Символический пласт «Книги...» чрезвычайно насыщен, многолик, просвечивает сквозь жизненные коллизии, придавая им особый смысл. С первой же главы Нарекаци говорит о своей греховности. Создается грандиозная картина, казалось бы, уже безвозвратного крушения человека. Но этим описанием (посредством перечислений, сравнений, грандиозных сравнений, гл. 1) не исчерпывается многомерное произведение Нарекаци. Для изображения павшего человека символом-знаком для мыслителя становится образ *человека-скота*, *человека-насекомого*. Путь становления человека труден, мучителен, он не понимает, где добро и где зло: «Ибо, подобно бездумному стаду скота, / Мы умираем, но не ужасаемся, / Погибаем, но не удивляемся, / Бываем погребены, но не смиряемся, / Бываем отлучены, но не тревожимся, / Поддаемся соблазнам, но не каемся» (55, 3). Человек осмысляется в сравнении и в противопоставлении с животным, скотом, обвиняется в добровольном увлечении пороком, укоренении в пороке, иногда и в нежелании исправляться, «обладея разумом, числится среди животных». Основной смысловой стержень бесконечных инвектив – греховность, низводящая Божественный образ, дарованный человеку, на животный уровень:

И, припав к праху, слился я с землей,
С преходящей сей жизнью пагубной,
И влачусь по ней, подобно скоту,
И, как пресмыкающееся, ползаю по ней,
Волею своей пригвожден я к ней.

(32, 2)

Уже в новое время философы не переставали размышлять о природе человека. Ницше говорил, что «человек – это путь от животного к человеку». Но сверхчеловек, возведенный как апофеоз индивидуализма, был обречен. Для верующего же истина в словах Христа: «Я есмь путь». Жизнь без Христа лишена смысла и безысходна, в ней нет пути к нравственному совершенствованию. По мысли другого великого христианского мыслителя Федора Достоевского, «дьяволова идея могла подходить только к *человеку-скоту*, Христос же знал, что хлебом одним не оживишь человека. Если притом не будет жизни духовной, идеала красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии»¹⁵.

Только непрестанный поиск путей по обретению частицы Божественного совершенства может придать смысл человеческому существованию. Животворящая боль страдания пробуждает мысль, а сомнение, раз поселившееся в душе, не дает покоя: заставляет задаваться все новыми вопросами, идти к нравственному совер-

¹⁵ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений, т. 29/2. М., 1988, с. 84, 85.

шенству. По Нарекаци, разум, изъязвленный проказой грехов, должен быть оздоровлен законом евангельским, и работа души – единственный путь ее спасения.

Ничтожный, ищущий, страдающий человек, о душе которого скорбит Нарекаци, становится великим и сильным, уподобляясь Богу, только через обретение нравственного совершенства и любви к людям. Путь к вере лежит через сомнения, но Христос в своей человеческой жизни – пример стойкости и готовности противостоять искушениям и соблазнам.

Пустыня – символ мира безбожников. Без веры человек одинок в мире, и душа его – тоже пустыня. Для Нарекаци человек – любимое творение Бога, но средневековый мыслитель понимает, что его земная участь – пройти свой путь самому. Страшно быть в одиночестве, метаться в муках сомнений, «Скорбеть и не проследиться, / Размышлять и не вздохнуть, / Затуманиться и не пролиться дождем, / Идти вперед и не достигнуть, / Мне призывать и Тебе не слышать» (2, 2). Однако присутствие Бога дает надежду на любовь и возвышение: «Не даров, но Дарителя алчу я вечно» (12, 1), а вера и Божественная благодать снимают проблему одиночества человека в этом мире.

Для Нарекаци на пути создания целостного образа человека нет запретных тем и уровней, он проникает в самые глубинные слои: от самого низменного до возвышенного.

При изображении нравственного падения, безысходности Нарекаци привлекает лексику, сравнения, вызывающие чувство отвращения, крайнего негативизма. Он говорит, что нужно «выжечь гной, / Скопившийся в моих смертельных ранах, / Раскаленным железом слов моих / Или, с отвращением засунув палец [в гортань] и вызвав тем рвоту, / Отрыгнуть бремя скопившихся в сердце недугов» (6, 1), «И, подобно снедающему раку, / Распространился недуг на все члены мои» (18, 3), «Непреоборимый лекарствами жар [жжет] обе почки мои, / Едкая горечь желчи подступила к вратам гортани моей, / Вопли отчаяния с силой звучат в глубинах моего горла» (26, 3). Нагнетание отрицательного ряда порой, кажется, выходит за пределы допустимых средств изображения, демонстрируя вовлеченность падшего человека в низшие сферы:

Сами собою возникают и плодятся в чреве
Копшасиися разные тонкие черви,
Глисты, украдкой нутро сосущие,
Гниды гадкие и какие-то скопища
Из пота возникших, гнусных, жалящих,
Порождающих жжение и зуд [насекомых].

(69, 2)

Для изображения греховного человека Нарекаци прибегает к знаменитым метафорическим описаниям крушения корабля и колодца, на дне которого находится грешник, эмоционально и образно сгущенная символика которых чрезвычайно сильно воздействует на читателя.

На подступах к пробуждению сознания, пониманию степени своего падения человека обуревают *двойственность и сомнение* – важнейшая тема в образном мире Нарекаци, точно вскрывающая чувственно-психологическую душевную атмос-

феру кающегося грешника. На протяжении всего произведения будто говорит не один, а два героя, два «Я» человека, противоборствующие друг с другом и примиряющиеся.

В первой же главе «Книги...» поэт дает объяснения, почему же возносятся его «скорбные песнопения», «добровольный дар моей словесной жертвы». По Нарекаци, душа человека «заблудшая», «вечно мятущаяся и сомневающаяся». В предчувствии Страшного суда, он готов сам себя предать суду самоанализа (и он не менее страшен и беспощаден, и, заглядывая в себя, предугадывает «движение противоборных страстей»). Различая в человеке противоборствующие начала, Нарекаци их видит в то же время сплетенными, перемешанными. Художественное мышление Нарекаци вмещает противоположности во всех градациях низкого и высокого, они не только поляризованы (как это имеет место в эпическом сознании), но и сходятся в одном. Двойственность присуща человеку Нарекаци, но это состояние тяготит его, заставляет мучительно искать выход.

Прихожу я почти белым – ухожу совершенно черным,
 Говорю, что верую в Тебя, – отдаю себя [в руки] убийце,
 Едва предстал перед Тобою,
 Как опять оборотился спиною.
 Очищаюсь – и снова замазан я,
 Моюсь – и вновь оскверняюсь <...>

(71, 2)

С первых же страниц «Книги...» развивается тема преклонения перед евангельским знанием – путем к спасению, дарованным Христом. Нарекаци надеется, что «по окончании своего труда» удостоится милости и спасет свою душу вместе со всеми. Этой цели подчинено его покаяние и направлены усилия души, доводящие самоанализ до крайней черты.

Его концепция человека основывается на библейском учении о потерянном совершенном естестве, она осмысливается в координатах античного и средневекового знания, однако внутри них прокладываются пути философских определений человека, выходящие за пределы общепринятых трактовок. Какие же мыслительные сущности поэт находит для понимания его природы?

За эмоционально насыщенным, экстатическим состоянием покаяния, религиозного прозрения о необходимости спасти душу, разворачиваются пласты философского анализа сущности человека. Текст Нарекаци насыщен библейскими реминисценциями, аллюзиями (сюжеты из священных текстов, имена, заповеди), которые во множестве привлекаются в качестве сравнений для понимания основ бытия и человека.

Вопрос утверждения веры – центральный в творении Нарекаци. Понимая на какой непростой путь он вступает, говорит: «Уже ныне предугадаю я движение противоборных страстей, / Беспокойство и смятение, что явятся в душе моей» (1, 2), предчувствует «возбуждение борьбы» (1, 2). С первых же строк текста, содержащего множественные смысловые уровни, мы видим действие, обращенное вовнутрь сознания, – книга эта «О самопорицании», как формулирует сам автор в небольшом, но очень значимом вступительном слове. Демонстрируя свое отношение к

тяжкому внутреннему разговору с самим собой, погружаясь в субъективный мир своих размышлений, своей души, Нарекаци формулирует не свойственную средневековому мышлению позицию: «И поелику поставил я тебя, о душа моя бесплодная, / Как мишень пред внутренним взором моим, / То, мечта в нее булыжники слов своих, <...> Стану безжалостно избивать тебя камнями» (9, 3). Здесь мы уже наблюдаем не просто беседу с самим собой, а раздвоение сознания: «Я», сметая все средостения, противопоставлено второму «Я» – вместилищу негативного.

Двойственность становится ведущим принципом самоанализа. Сократическому сомнению подвергаются поступки, помыслы, стремления.

«Я постоянно осуждал себя / И тяжелой палицей сомнений избил себя до смерти» (12, 1), – говорит Нарекаци.

Человек, по представлению Нарекаци, имеет даже не двойственную, а множественную природу. Он в одну и ту же минуту способен на противоположные чувства – «справа и слева от меня явятся бездны глубокие» (54, 1). Будто про нас сказано словами поэта X в.: «Ибо, желая идти быстрее, я вовсе увяз, / Стремясь к безмерному, я и своей [меры] не достиг <...> вместо того, чтобы отказаться от [дурной] привычки, / Я обрел [еще более] пагубную» (55, 4). Но есть люди, в душе которых зло захватило все пространство, они уже неспособны к духовному росту, о них Нарекаци говорит, что подобно «раку стремятся захватить все тело». Эти образы составляют длинный ряд неразумных, «числящихся среди животных» людей.

Несмотря на это поэт верует, что они способны перемениться и воспринять добро, ибо человек – «дом, созижденный Богом», хотя изначально оказался слаб и недостоин этого дара:

Мое изъязвленное проказой [грехов] прибежище разума,
Оскорбленное ударами увещаний,
Оздоровленное законом [евангельским],
Обмазанное глиной смиренной покорности,
Все же не сумело исцелиться <...>

(2,1)

Объект исследования провидца – душа, но, погружаясь в ее глубины, Нарекаци в то же время стремится объять все пространство бытия, в мельчайших проявлениях сознания увидеть Вселенную. Всеохватность жизни, воплощенная в «Книге...», океан человеческого существования, без конца и края, плещущийся, то взмывающий до неба, то затихающий в уединенной молитве. Нарекаци – художник, идущий непосредственно к пульсирующему нерву сущности.

В «Книге скорбных песнопений» Нарекаци нет внешнего мира – эпически целостного, событийного – есть только мир внутренних сущностей. В «Книге...» – одновременно охват всего жизненного пространства и погружение в глубь человеческой природы, универсализм во всем, в частности отражается всеобщее, дробящееся в бесконечных перечислениях, гиперболох, сравнениях для достижения искомой полноты. Каждая фраза – концепт, оборот – жизненный пласт. Внутренний взор поэта охватывает времена, пространства, народы и сословия. «Я» Нарека-

ци множится, сливается с голосами многих людей, становится хором, полифонией, и возвращается к исходной сущности – душе человека.

У Нарекаци бесконечное погружение в жизненную бездну, пласт за пластом вскрывающее свойства, слабости, пороки человеческой природы, в конечном итоге служат становлению человека нравственного, прошедшего путь вочеловечивания.

Христианский Бог не подавляет, не порабощает, его любовь и милость, земные страдания, пережитые им во имя спасения человека, позволяют понять где Добро и где Зло и – преобразиться. Люди «Коль и согрешат – все ж они Твои» (31, 3), – говорит Нарекаци.

В вертикальной картине мира Нарекаци Божественный образ занимает высшую точку, освещая и придавая смысл жизни. Нарекаци не страшится нарушить застывшую картину Божественного величия и Его недосыгаемости для ничтожного человека. Евангельскими заповедями поверяются жизненные ситуации. Чем дальше от Христа, тем трагичней и безысходней ситуация. Христос среди людей, и – в каждом, он как человек прошел жизненные испытания и довел свою миссию до конца, тем самым показав путь к спасению.

Две сферы – Божественная и земная, существуют раздельно, но они сходятся в человеке. Нарекаци считал, что Бог создал человека «Из противоборных [вещественных начал], / Одних легких, а других тяжелых, / Одних прохладных, а других огнистых, / Дабы, примиряя несогласие // противоборных [начал], / Благодаря подлинному их равновесию / Мы праведными могли бы назваться» (86, 1). Противоречия заложены в природе человека, достижение равновесия – путь к праведности.

Подчеркнем – через бесконечное преодоление двойственности формируется личность, в гармонизации противоборствующих начал, в их борьбе и разрешении конфликта протекает разумная здоровая жизнь человека.

Бесконечная борьба в водовороте душевных поисков – сердцевина «Книги скорбных песнопений». В человеке «погубившем себя самого, / Всегда есть двойственность чувства» (48, 2) – говорит Нарекаци. «В поисках второго, я потерял первое» (55, 4). Раскаяние и осознание необходимости изменить себя – залог душевного перерождения. Вера способна преобразить человека, «сдвигать горы», вывести из лабиринта заблуждений.

В осмыслении христианской идеи, ее трансформации в столкновениях с жизнью, в многочисленных проявлениях бытия Христа в душах и жизни героев, приятии-неприятии, отторжении-воплощении выстраивается художественное пространство «Книги...» Нарекаци. Человек Нарекаци во множестве своих ипостасей бьется в тисках жизни, в попытках противоборствовать социальной несправедливости, порабощенности собственным страстям. Прозревая, сомневающийся человек Нарекаци осознает свою греховность.

Я раскрыл объятия любви к миру,
А к Тебе не лицом, а спиной повернулся,
В полете мыслей устремился я к темным помыслам;
Непорочную душу мою изнурял постоянно утехами тела <...>

(20, 2)

Нарекаци не только смиренен или греховен подобно всем, но активно деятелен, как пастырь берет на себя грехи всех, готов пострадать, чтобы суметь преодолеть свою земную природу и спасти других. Путь к нравственному совершенствованию – в ответственности каждого за всех: «Я во всем и все во мне».

Именно нравственное совершенствование каждой личности и является тем спасительным путем, который выведет человека из тины жизни, из колодца порока.

Сердце–Разум. Нарекаци выстраивает свой макрокосм христианского миропонимания, и в его художественном мире важнейшее место занимает понятие «сердца». Уже в названии глав обозначено «сердце», и не просто сердце, а его «глубины», призванные удостоверить искренность, проникновенность, потрясенность раскаявшегося человека. Только так, с чистым сердцем, искренней душой и можно обращаться к Богу. Для выражения чувств, эмоций поэт оперирует понятиями «души», «сердца» – всеобъемлющими для христианства категориями, основанием миропонимания и словесного храма Нарекаци; они естественны и для жанра плача, и покаяния. Однако эмоциональная составляющая, свойственная этим жанрам, не исчерпывает смыслового пространства «Книги...»: ограничить Нарекаци какими-либо рамками значит существенно обеднить понимание творения, выходящего за пределы установленных канонов – в нем есть и покаяние, и исповедь, и философское размышление, и лирическая эмоция.

Нарекаци делает существенный акцент не только на «сердце», как это было принято во всей богословской литературе, но и на *разум*.

Один из уровней интерпретации человека – его неразумность, «неосознанность», и здесь Нарекаци выбирает сравнения иной тональности: «Я – голубь ласковый, но всегда по глупости, / А не по кротости осознанной» (2, 1). Обретая разум, человек познает «густой мрак сомнений», он «неисцелимо ранен, беспомощен и неспособен стоять», «изъязвлен укорами совести». Путеводное же значение в нравственном становлении человека для Нарекаци имеет Евангелие:

Но, к Тебе склонясь, Господи-Боже,
 Как к опоре жизни плотию [своей] –
 Побегом ветви корня давидова –
 Немо слившись с [тобой], Божеством несотворенным,
 Должен снова я встать <...>

(32, 2)

Поэт и философ, Нарекаци уже в X в. описывает страдания, постигающие человека за грехи, не через внешние события, а видит ад в душе человеческой, круг за кругом проводя ее все ниже, ниже уровня земли, грешник попадает на дно колодца, откуда нет выхода, но есть единственное, что он может сделать – поднять голову и посмотреть на небо. Самопознание Нарекаци равносильно самоубийству, если вспомнить слова философа нашего времени: «Познающий себя есть собственный палач» /Ницше/, но только через нравственный остракизм возможно возрождение, обретение нового, истинного, естества. Господь наделил человека волей и дал ему право морального выбора, и в руках смертного выбрать между доб-

ром и злом, между разумным и безрассудным и тем самым заслужить или нет вечное спасение: «Завещание Твое – Евангелие, / И *свобода* – решение Твое» (43, 2). Именно *свободный, осознанный* выбор лежит в основе нравственного императива Нарекаци. Человек слаб и немощен, «с умом незрелым, с несовершенством дум», в понимании Нарекаци, он еще не сформирован, но он должен пройти путь от неосознанности к «зрелому разуму», то есть стать человеком сознающим и самосознающим. В начале «Книги...» он ведомый, «утлый челн» в жизненной стихии, корабль, терпящий крушение (знаменитая метафора души во второй части 25-й главы), но в поступательном развитии тематических линий, содержательно раскрывающих образ человека, происходит существенный перелом, в результате которого герой поэмы обретает волю и стремление измениться: «должен снова я встать» (32, 2).

Соединением друг с другом
 Этих двух славных и возрождающих благодатей –
 «Могу» и «хочу» –
 Да уничтожены будут уныние и отчаяние рода грешников <...>
 (86, 3)

«Могу» и «хочу» – не слова ли это человека, осознавшего себя как личность?

Мучительные попытки понять природу человека, его естество, глубинные мотивы поведения и подсознания стоят огромных духовных жертв. Становление личности происходит через вопросы и сомнения, через осознание ответственности за выбор своего поведения. Готовые установления и указания не удовлетворяют человека, быть или не быть зависит от каждого. Учение Христа зиждется на понимании двойственной природы человека, на способах гармонизации ее посредством нравственных императивов и, что не менее важно, за счет сознательных усилий личности.

В «Книге...» Нарекаци сквозь бесконечные инвективы, жалобы и стенания, перечисления грехов прослеживается глубокое осмысление учения Христа, философская трактовка проблем души и мира. Современнно звучат слова:

И вот, если человек не станет себя обманывать и притворяться
 И лицемерно делать вид, что не колеблется,
 Но чрез познание самого себя
 Почувствует общечеловечность своего естества,
 Поймет, что он земнородный, и сохранит в себе меру [совести],
 Тогда очевидным станет для него,
 Что перечислил я не напрасно
 Описанные виды прегрешений; <...>

(6, 4)

Идущая от античности максима «Познай самого себя» была переосмыслена богословской мыслью, преимущественно рассматривающей человека беспомощным и ничтожным перед лицом Божественного провидения. Однако мышлению Нарекаци свойственно вычленение Я из всеобщего, фатального, его взгляд – это зрелая

ло, обращенное вовнутрь. Самоанализ не оставляет темных мест и закоулков в душе. Требование осмысленного отношения к себе и к миру проходит через вс, произведение. Человеческой душе, осознавшей добро и зло, личности, способной на нравственные усилия, отводится главенствующее место в его миропонимании.

Если в начале повествования Нарекаци сетовал на неразумность человека, то приближаясь к завершению своего словесного храма, он говорит:

Мы зрелым разумом постигли вечность неизменную Твою,
Что Ты есть все и во всем <...>
(93, 17)

«Разум» Нарекаци – это космическое око, способное воспринять духовные сущности, дар, которым Бог отделил человека от тварного мира: «Ты наделил меня душою мыслящей», и вера должна быть прочувствована сердцем и осмысленной. Безумствующая вера так же вредна, как и безверие. Сердце и Разум сливаются в единый порыв любви к Богу и к ближнему, так истово проповедуемой Нарекаци, его усилия направлены на укоренение христианского гуманизма и миролюбия в душах.

«Книга...» была написана во имя утверждения человека – именно в любви и сострадании к нему чувства Нарекаци не знают предела, важна та неистовая страсть, с которой поэт ведет человека по пути к Богу, и священный трепет перед Его величием и человеколюбием, вновь и вновь дающим надежду на спасение души.

Чем большему забвению предаются заветы Христа, тем глубже бездна, в которую скатывается человек. Но приход Христа мир чуть-чуть изменил, остался «неисследимый след»¹⁶ духовности, любви и сострадания.

Сострадание к человеческому роду пронизывает «Книгу...» Нарекаци. Ненависть даже к себе исключена как понятие из мировоззрения Нарекаци, есть только сожаление, ведь он сам – один из всех. Его терзания и самобичевания венчает любовь, и он молит Бога даже за врагов своих:

Рубеж незлобивости, помяни Ты добром тех из рода людского,
Кто враги мои, тех, о коих в книге скорбных песнопений слова
покаянные,
Совершенствуй Ты их, отпусти им грехи, смилуйся над ними,
Ради меня, Господи, не гневайся на них, <...>
Не погуби Ты жалящих меня, а преобрази их:
Отняв [у них] нрав гнусный, земной,
Укорени благо в них и во мне <...>
(83, 1-2)

«Книга скорбных песнопений» построена по принципу трагедии: спустившись на дно души, пройдя все круги ада самораспятия, Нарекаци выводит человека к

¹⁶ «Неисследимая черта» – это богословский термин, указывающий на источник всего сущего. Василий Великий в «Беседах на шестиднев» пишет о неисследимом Божьем могуществе. См.: С в я т и т е л ь В а с и л и й В е л и к и й. Беседы на шестиднев. М., 1999.

Свету, очищению, к преображению. Метанойя свершается, и человек через любовь и сострадание приближается к Богу. Для Нарекаци бездна человеческих пороков кажется преодолимой благодаря «светозарному» присутствию идеала Христа.

«Исцеление покрывает и большие проступки», мол,
Тем самым всещедрой милостью, вселенной в Тебя,
Светозарный образ Твой, запечатленный [у меня] в душе,
Обретя опять, укреплюсь я, искупив грехи, <...>

(27, 4)

Национальный тип личности вырабатывается веками и детерминирован историческим опытом народа, его ценностными установками, и в формировании нравственно-психологического облика армянина-христианина слово Нарекаци сыграло не последнюю роль.

В Памятной записи к «Книге...» есть удивительный абзац, достойный многих философских томов: «Круглое, полное света и блеска, лучезарное, измеряющее день, изгоняющее тьму ночи, радующее глаз солнце, светило сотворенное, собирает в потоке мчащегося вперед времени множество лет и укладывает их в века, обновляя и оживляя этот преходящий и смертный мир». В одной этой фразе отразился универсализм Нарекаци, соединяющий времена и пространства. Поэт, ощущая вечность в душе, вовлекает и нас в поток времен, становится нашим современником. Его мыслительные интенции направлены на то, чтобы объединить всех – племена, сословия, поколения – в усилия спасти душу. Его слово обращено будущему, оно актуально и сегодня, ибо живое страдание, трепещущее в каждой строчке, боль за ближнего, разговор с Богом и с самим собой без страха и уничтожения близок современному человеку.

Божественный Свет. В конце «Книги...» все больше звучат мотивы надежды, в голосе Нарекаци соединяются тысячи голосов молящихся. Недостижимость Божественного вызывает у Нарекаци такой же неиссякаемый ряд сравнений и метафор, как и низменная природа человека. Бог характеризуется каскадом сравнений, эпитетов, однако единственной субстанцией, которая видима и понятна человеку – это *Свет*. Частотный словарь произведения Нарекаци показывает более 300 словоупотреблений понятия Свет (не считая сопутствующих Луч, Солнце, Сияние), символически олицетворяющих Бога. На протяжении всей «Книги...» строки, посвященные Богу-Свету – экстаз и апофеоз веры. В отличие от тьмы («В ночи темной, беспросветной, в дремоте смерти покоюсь») ассоциированной со смертью, могилой, синоним Бога – Свет живой, он сама жизнь. Бесконечно многообразны словесные воплощения Трансцендетного: «Образ света, дыхание жизни», «живой, нетленный Свет», «светозарный смысл», «радость Света», «Орудие разума», «Свет всеобъемлющий». По учению неоплатонизма¹⁷, мир пребывает во тьме, по мере эманации Света он высветляется, обретает бытие. Так же и в христианстве: душа грешника, только осветившись присутствием Бога, получает

¹⁷ В последнее время появились работы, посвященные теме «Нарекаци и неоплатонизм». Г р . Т а м р а з я н . Григор Нарекаци и неоплатонизм. Ереван, 2004.

истинную жизнь. Нарекаци молит снизойти в его душу «Свет праведности», «Луч сострадания».

Свет осмысляется как Божественное Благо, воплотившийся Христос уподобляется сгустившемуся лучу:

Склонился, о Всевышний, снизошел, Страшный,
Явился, Неизреченный, сжался, Беспредельный,

Был измерен, о Неисповедимый, сгустился, о Луч,
Вочеловечился, о Бестелесный, стал осязаем, Безмерный,

Обрел форму, о Не имеющий свойств,
Воистину исполнил мольбы молящихся.

(34,10)

К концу «Книги...» наращиваются мажорные аккорды, вера Нарекаци крепнет, человек «Чистый сердцем узрит / И свет благий, / И огонь согревающий, <...> Воистину соединиться можно с Богом» (93, 11).

Древнейшая армянская традиция поклонения Солнцу и Свету, олицетворенными в образах мифологических божеств (Арег, Ваагн, Михр), органично сочеталась в армянской христианской духовности с учением Плотина о Свете. Его теория эманации Света во все ступени бытия, освещающего их в разной степени, переходит в экзегетику о свете Христа, нисходящем в душу верующего. Эта традиция трансформировалась в армянском богословии в образы внутреннего света, особенно выразительно воплотившихся в песнопениях последователя Нарекаци киликийского католика и поэта Нерсеса Шнорали (XII в.), широко употреблявшегося символ Света как сущность праведного Солнца-Бога¹⁸: Вот один из его знаменитых шараканов, где Свет мыслится как свет истинности и праведности,:

Утро светлое –
Солнце праведное,
Освети меня светом,
Излучаясь от Отца,
Исторгни в моей душе
Слово тебе благостное.

В последней главе, завершая столь выразительную и значительную линию Света, Нарекаци возносит молитву Богу, его символу Солнцу:

О солнце праведности, луч благословенный,
Сущность света, желание вожденное,

¹⁸ Символика света проходит через всю армянскую поэзию до XX в., наиболее ярко воплотившись в творчестве П. Севака, в поэтическом цикле «Да будет свет!» Об этой армянской традиции в сопоставлении с учением Плотина и Светом в творчестве Данте см.: Б. С. З у л у м я н. Творчество Паруйра Севака в контексте армянской поэзии. М., 2002, с. 124–131.

Неисповедимый, вышний, неизреченный, могучий,
 Радость добра, исполнение надежды <...>
 Да снизойдут Твои благости,
 О Ты, всем желающий и дарующий жизнь,
 Пусть взойдет Твой свет, поспешит спасение Твое <...>

(95, 1)

Христианский завет преобразования любовью, преодоления греха через страдание и работу души размыкает учение Нарекаци в восточнохристианскую традицию, в самую ее сокровенную сердцевину – идею любви и сострадания к людям. Человеколюбивый Бог Нарекаци освещает светом праведности мир, и он – преображается. Нарекаци молится за себя и за всех нас: «Да будет милость Твоя, о Создатель, надо мною, / И соединится дыхание мое с Твоими узами нерасторжимыми» (90, 4), ведь на армянский язык Библия переведена как «Божественное дыхание (душа)». Его цель своими молитвами спасти людей, слиться с Богом, оставив священный след – «Книгу скорбных песнопений».

ԳՐԻԳՈՐ ՆԱՐԵԿԱՅՈՒԻ «ՄԱՏԵԱՆ ՈՂԲԵՐԳՈՒԹԵԱՆ» ՄԻՄՎՈԼԻԿԱՆ

ԲՈՒՐԱՍՏԱՆ ԶՈՒԼՈՒՄՅԱՆ (Մոսկվա)

Ս մ փ ն փ ն լ մ

Գրիգոր Նարեկացու «Մատեան ողբերգութեան» երկում առկա խորհրդանիշները, ի տարբերություն համընդհանուր եկեղեցականների, անհատական բնույթ ունեն: Դրանք են *Խօսք-Մատեան, Բանաստեղծ, Միրտ-Բանականութիւն, Մարդ-անասուն, Մարդ-միջատ, Աստուածային, Լոյս: Մտայնում երկու բնեք կա. մեղսագործ մարդը՝ սեփական մեղքը գիտակցած, վերածնվելու ձգտող և Աստված, Լույսը, Բարին, Խոսքը: Կարևոր նշանակություն ունեն շինն Նոր Կտակարանների, Եկեղեցու, ոգեշնչման, «անձեռակերտ հուշարձանի» թեմաները: Բովանդակային շեշտը դրված է մեղսագործ մարդու, ճշմարտությունը գտնելու համար նրա հոգեկան տվյալտանքների վրա, որտեղ կարևոր է անկեղծությունը՝ ի խորոց սրտից:*

SYMBOLICS OF GRIGOR NAREKATSI'S "THE BOOK OF LAMENTATIONS"

BURASTAN ZULUMYAN (Moscow)

S u m m a r y

In "The Book of Lamentations" a number of symbols unlike the general church stable symbols is characterized by author's individuality and poetry. They are Word-Book, Poet, Heart-Mind, The Person-cattle, The Person-insect, Divine, Light. There are two poles in "The Book of Lamentations" – the fallen man-sinner, convicted of his sin but tending to be reborn and – God, Light, Good, Word. The themes of the Old and the New Testament, Church, inspiration, "not man-made monument" are quite significant as well. The emphasis is made on the person-sinner, his spiritual torments in search of the truth, which demands sincerity, coming from the depths of the heart.